

**ЮРИЙ
ЕМЕЛЬЯНОВ**

**МИФЫ
И ЗАГАДКИ
ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА**

Юрий Емельянов

Мифы и загадки
Октября 1917 года

«Алисторус»

2017

УДК 82-94
ББК 85.374

Емельянов Ю. В.

Мифы и загадки Октября 1917 года / Ю. В. Емельянов —
«Алисторус», 2017

ISBN 978-5-906979-03-2

Юрий Васильевич Емельянов, историк и писатель, известен своими книгами о советской эпохе, о ее начале, положенном революцией 1917 года, и продолжении в сталинское время. В своей новой книге он пишет о мифах, распространяемых о русских событиях 1917 года. В числе таких любимых антисоветских измышлений находятся «теория заговора», согласно которой Ленин и большевики просто исполняли заказ Запад на крушение Российской империи, а народ был одурачен ими, и другие подобные «теории», отвергающие объективный характер революции и широкое участие в ней народных масс. Юрий Емельянов последовательно и доказательно опровергает все эти измышления, приводя большое количество фактов и документов.

УДК 82-94

ББК 85.374

ISBN 978-5-906979-03-2

© Емельянов Ю. В., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Вместо предисловия	6
По пути к 1917 году	10
«Ты и убогая, ты и бессильная...»	10
Как завели в западню первую русскую революцию	16
Что порой скрывалось под знаменами марксизма	21
Мнимые «загадки Кобы» и подлинная роль Сталина в революции	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юрий Васильевич Емельянов

Мифы и загадки Октября 1917 года

© Емельянов Ю.В., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Вместо предисловия

Первый праздник Октября, который я запомнил, был в 1940 году. Окна нашей московской квартиры на четвертом этаже выходили на улицу Горького и оттуда были хорошо видны люди, которые несли в руках плакаты, флаги, портреты Ленина, а также Сталина и других тогдашних советских руководителей. Несмотря на то, что мне было три года, я, как и многие советские дети, знал, как зовут людей, изображенных на портретах, и поэтому время от времени радостно оповещал своих родителей и сестру, что «опять несут Микоянова», или какого-то другого вождя. Позже в первом классе школы я заучил стихи, описывающие этот праздник: «День седьмого ноября – красный день календаря./ Посмотри в твое окно:/ все на улице красно.../ Весь народ, и стар, и млад/ празднует свободу/ И летит мой красный шар/ прямо к небосводу!».

Годовщины Октябрьской революции стали отмечаться в Советской стране через год после 7 ноября (25 октября) 1917 года. На каждом листке распространенных тогда отрывных календарей указывался текущий год Великой Октябрьской социалистической революции. В честь юбилеев революции называли новые заводы, фабрики, колхозы, совхозы, поселки, улицы, площади. Одна из станций столичного метрополитена была названа «Октябрьской». Центральный остров архипелага Северная Земля, впервые исследованный в 1930–1932 гг. географической экспедицией под руководством Г.А. Ушакова, получил название «Октябрьской революции». В стране был учрежден орден Октябрьской Революции. Детишки младших школьных возрастов распевали: «Мы – веселые ребята./ Наше имя – октябрюта./ Так назвали нас не зря/ в честь победы Октября».

Главный праздник страны продолжался 7 и 8 ноября. Утром 7 ноября в столице СССР, а также в столицах союзных республик и ряде крупных городов страны происходили военные парады, а вечером – салюты. Во время демонстраций, которые проходили днем 7 ноября во всех городах, селах и других населенных пунктах огромной страны, звучали радостные песни и бодрая музыка. Годовщине Октября посвящались концерты, театральные постановки, передачи по радио и телевидению.

С детских лет советские люди приучались воспринимать Октябрьскую революцию как величайшее событие в истории.

Для многих поколений советских людей вождь Октябрьской революции и основатель Советского государства Владимир Ильич Ленин был самым дорогим и уважаемым человеком. С 1925 г. вечером 21 января в Москве проводилось торжественное собрание, и его участники чтвили его память минутой молчания в час его кончины – в 18.50. С 1954 г. такие торжественные собрания стали устраивать в день рождения Ленина. Тело Ленина было забальзамировано и помещено в Мавзолей на главной площади столицы – Красной.

В честь Ленина во всех концах Советской страны были воздвигнуты памятники. Со знаменами, на которых был изображен Ленин, советские воины разгромили гитлеровскую Германию. Изображение Ленина было на советских денежных ассигнациях и на вымпелах, находившихся в космических кораблях. Высшим орденом страны был орден Ленина. Премии, которые присваивали за наилучшие достижения в науке и культуры, были «Ленинскими». Фамилия Ленина стала частью названий пионерской и комсомольской организаций, членами которых за годы Советской власти были сотни миллионов детей, юношей и девушек.

С первых лет Советской власти в страны были сооружены также памятники основоположникам коммунистической теории – Марксу и Энгельсу, а также героям Гражданской войны. Их фамилии, а также фамилию Ленина и его сподвижников присваивали улицам и площадям, городам, горным вершинам. Им были посвящены художественные произведения, живописные полотна, спектакли. В Советской стране были созданы фильмы о Ленине в

Октябре и 1918 году, Свердлов, Дзержинском, Чапаеве, Щорсе, Котовском, Пархоменко, а также о героях, действовавших в тылу белых, таких как «адъютант его превосходительства» и «неуловимые мстители».

В советских песнях прославляли тех, кто шел на защиту Советской власти в «боевой восемнадцатый год», участников сражений под Каховкой, Иркутском, Орлом, Варшавой, Волочаевкой. В песнях воспевались «красные кавалеристы», которые «гордо и смело» шли в бой, и выражалось пожелание, чтобы «наш паровоз» летел вперед до остановки в «коммуне». В одной из песен рассказывалось про разлуку комсомольца и комсомолки, которых по приказу направляли в разные концы Советской страны на ее защиту.

Печальные песни рассказывали о героической гибели матроса Железняка и комсомольца из «буденовских войск, о том, как 16-летнего «Орленка» «вели на расстрел».

К сожалению, преобладание эмоций при освещении Октябрьской революции и Гражданской войны, уместных в песнях, художественных фильмах и театральных спектаклях, было характерно и для оценок в учебниках для школ и вузов, а также книг по истории. К тому же стремление авторов этих произведений всемерно подчеркнуть роль классовой борьбы и изображать деятельность большевистской партии безупречной сопровождалось невниманием к другим важным факторам революционного и предреволюционного времени. Фактически игнорировалось острое соперничество внутри правящих верхов царской России, а затем внутри контрреволюционных сил, противоречия между белыми генералами и лидерами национал-сепаратистов. Недостаточно глубоко раскрывались разногласия среди империалистических держав.

Упрощенно и схематично изображалась жизнь в большевистской партии. Замалчивались случаи злоупотребления властью тех, кто в бурные революционные годы был вознесен к управленческим постам Советской республики, но явно не соответствовал своему высокому положению. Историки зачастую закрывали глаза на беспринципную борьбу за власть некоторых видных деятелей Советского правительства. Умалчивая о многих проблемах, возникших в первые годы Советской страны и сводя к минимуму «теневые стороны» революции, советские историки вольно или невольно создавали «белые пятна» в изображении событий тех лет, сбиваясь на упрощенное, романтизированное описание революции и Гражданской войны.

Распространенное в Советской стране восторженное отношение к Октябрьской революции и героям Гражданской войны исключало иные оценки этих исторических событий и их участников. Создавалось впечатление, что эти чувства разделяют поголовно все советские люди, а также наши зарубежные друзья, число которых часто преувеличивалось. Тогда казалось, что даже наши идейно-политические иностранные противники испытывают уважение к Октябрьской революции. Это представление подкреплялось содержанием первых страниц центральных газет страны 7 и 8 ноября, на которых публиковались приветствия по случаю годовщины Октябрьской революции от глав государств и правительств всех стран мира, с которыми СССР имел дипломатические отношения.

Отправляясь в научную командировку в США осенью 1977 г., я знал, что в этой стране, власти которой ежегодно направляли официальное поздравление нашим руководителям в день 7 ноября, далеко не все положительно относятся к СССР и Октябрьской революции. В этом я лишний раз убедился в том году, когда в течение месяца пребывания в США я мог не раз увидеть антисоветские телепередачи о событиях советского прошлого, но был лишен информации о текущих событиях в нашей стране. Американское телевидение лишь бегло упомянуло о принятии 7 октября 1977 года новой конституции СССР. Ни слова не было сказано о торжественном собрании во Дворце съездов, на котором Л.И. Брежнев в докладе рассказал о 60 годах советской истории и обозначил цели дальнейшего развития страны. Лишь оказавшись в день 60-летия Октябрьской революции в Сан-Франциско, я смог увидеть короткий репортаж

из Москвы. Правда, в этом сюжете были показаны только танки, которые в парадном строю мчались по Красной площади.

7 ноября 1977 г. в Москве было морозно и мела поземка. Тревожным тоном диктор сообщал: «На парад вышли танки Т-72, которые недавно были взяты на вооружение всеми странами Варшавского договора». Крупным планом были показаны танкисты, возвышавшиеся над танковыми башнями. Поравнявшись с Мавзолеем Ленина, танкисты разом поворачивались к советским руководителям, стоявшим на трибуне. В тот день в Сан-Франциско было 20 градусов тепла, а из окна моего гостиничного номера были видны деревья, украшенные пышными желтыми цветами. Как выяснилось позже, моим калифорнийским знакомым, посмотревшим репортаж с Красной площади, казалось, что они видят приближение к их благодатному краю армады из танковых машин и людей-роботов, которым нипочем ни морозы, ни вьюги, ни расстояния. «Сегодня они еще в Москве, но завтра они будут в Париже, а потом доберутся и до нашего штата, – считали те американцы, которые были до смерти запуганы возможностью нападения на их страну «советской Империи Зла». Создавая устрашающий образ Советской страны, пропагандисты «холодной войны» старались убедить американцев и народы других стран мира в том, что советские праздничные мероприятия скрывают правду о мрачных событиях 1917 года и бесчеловечной державе, стремившейся навязать свою тиранию странам «свободного мира».

Тогда, почти 40 лет назад, трудно было бы представить, что подобное отношение к советскому строю и Октябрьской революции возобладает в нашей стране. Оценки Октябрьской революции стали меняться в СССР с конца 80-х годов. Преувеличенное внимание к «белым пятнам», которые в советских публикациях скрывали теневые стороны революционных событий, быстро сменилось огульным отрицанием позитивного значения Октября. После свержения Советской власти в 1991 г. военные парады и праздничные салюты в день 7 ноября были отменены. А с 2005 г. этот день перестал быть праздничным.

В учебниках, по которым школьники изучали историю, теперь говорится, что события в октябре 1917 года – это лишь часть «Великой российской революции», начало которой «положил переворот 23 февраля – 3 марта». Октябрьскую же революцию авторы учебников называли «октябрьским переворотом». В учебниках утверждалось, что хотя «свой захват власти большевики поспешили объявить социалистической революцией», на самом деле ничего из построения социализма у них не получилось.

В других же школьных учебниках и материалах средств массовой информации оценка 7 ноября 1917 года как великой победы народа сменилась еще более радикальным образом. В них утверждалось, что тогда с Россией произошла величайшая беда в ее истории.

Издавались книги и появлялись телепередачи, авторы которых доказывали, что никаких оснований для свержения дореволюционного строя не было, а революции с 1905 по 1917 года были организованы честолюбивыми и кровожадными маргиналами, зачастую оплаченными зарубежными врагами нашей страны. Разрушение советских представлений об Октябрьской революции и Гражданской войне сопровождалось появлением множества мифов, вопиющим образом искажавших факты.

Несмотря на засилье в средствах массовой информации сочинений, построенных на грубой фальсификации прошлого, защитники исторической правды все активнее выступали против искажения истины. В идейных боях с фальсификаторами честные исследователи находили новые аргументы, отказываясь от преобладавших в советское время упрощенных и романтизированных описаний Октябрьской революции и Гражданской войны. После же того, как добросовестные историки получили доступ к архивам, которые долгое время были закрытыми, они извлекли из них немало достоверной информации об этих событиях. Знакомство с этими материалами позволило обнаружить лживость многих сочинений, созданных в угоду политической конъюнктуры конца 80-х – начала 90-х годов людьми с буйным воображением, явно

невежественными и нередко не слишком честными. Кроме того, непредвзятое изучение исторических материалов позволило понять, что не все загадки Октября и Гражданской войны еще раскрыты.

С одной стороны, автор данной книги попытался доказать абсурдность наиболее распространенных мифов о причинах революций начала XX века и первых годах советской истории. С другой стороны, он хотел обратить внимание читателей на еще сохраняющиеся загадки этого важнейшего, переломного времени в прошлом нашей страны. Но, прежде всего, для того, чтобы понять, что же произошло сто лет назад, надо разобраться в том, что предшествовало событиям 1917 года и почему Октябрьская революция стала неизбежной.

По пути к 1917 году

«Ты и убогая, ты и бессильная...»

Апологеты дореволюционных порядков уверяют, будто Россия могла обойтись без революционных преобразований, а революции, происшедшие в нашей стране в начале XX века, были спровоцированы или даже организованы внешней агентурой. При этом полностью игнорируются глубокие противоречия в общественном развитии, которые назрели еще до первой русской революции 1905–1907 гг.

С одной стороны, после ликвидации крепостного права экономика России быстро развивалась. С 1860 по 1900 год объем промышленной продукции в России вырос более чем в 7 раз. Выплавка чугуна в стране возросла с 1870 по 1900 год в 8 раз, добыча каменного угля – в 23 раза. За 20 лет – с 1870 по 1890 год добыча нефти в стране выросла в 140 раз. Если в 1860 году в России было лишь 1500 километров железных дорог, то в 1892 году – 31,2 тысячи. Завершенная в 1892 году до Иркутска Сибирская железная дорога открыла путь для людей и товаров от Балтийского моря до Байкала. Вскоре железная дорога достигла Тихого океана. Бурное развитие промышленности и транспорта способствовало росту городов. С начала 60-х до конца 90-х годов городское население России выросло в 2 раза. Одновременно страна переживала демографический взрыв. С 1870 по 1900 год население страны увеличилось с 84,5 до 132,9 миллиона человек, то есть более чем в 1,5 раза.

С другой стороны, быстрое развитие промышленности и транспорта не привело к качественным переменам в экономическом и социальном состоянии страны. По характеру производства и демографическому составу Россия оставалась аграрной страной. Доля сельских жителей среди населения страны составляла 82 %. Несмотря на ликвидацию крепостного права в России сохранялось господство помещичьего землевладения. По данным переписи, к 1897 году на долю 30 тысяч дворянских семей России приходилось 70 миллионов десятин земли, в то время как 10,5 миллиона крестьянских семей (около 50 миллионов человек) обладали 75 млн десятин. Поэтому многие крестьяне были вынуждены арендовать землю у помещиков. В качестве платы за арендуемую землю они обрабатывали помещичью пашню. Такая система «отработок», которая фактически представляла форму барщины, была распространена в 17 из 43 губерний Европейской России.

Крестьяне были вынуждены ежегодно расплачиваться за обретенную ими землю после освобождения. Если бы выплаты за землю, полученную после реформы 1861 году, продолжались в таком же темпе, что и до 1917 года, то крестьяне России расплатились бы за полученные ими наделы после ликвидации крепостной зависимости лишь в 1956 году.

После освобождения крестьян от крепостной зависимости условия их жизни существенно не улучшились. Хотя рост урожайности возрос (с 29 пудов с десятины в 1861–1870 годах до 39 пудов в 1891–1900 годах), а общее поголовье скота в стране увеличилось, но в расчете на душу населения количество сельскохозяйственной продукции неуклонно сокращалось.

Производительность земледелия оставалась крайне низкой. У многих крестьян не было никакой возможности закупать более совершенные орудия труда, и они были столь же архаичными, как и много веков назад. В сборнике очерков «Крестьянин и крестьянский труд», опубликованном в 80-х гг. XIX века, Г.И. Успенский писал: «Хуже той обстановки, в которой находится труд крестьянина, представить себе нет возможности, и надобно думать, что тысячу лет назад были те же лапты, та же соха, та же тяга, что и теперь. Не осталось от прародителей ни путей сообщения, ни мостов, ни малейших улучшений, облегчающих труд... Все орудия труда первобытны, тяжелы, неудобны».

Условия труда и быта усугублялись суровым российским климатом. Подавляющая часть территории России находится в зоне устойчивого снежного покрова в течение нескольких месяцев. Поэтому строительство жилья и других помещений требовало дополнительных затрат и человеческих усилий по сравнению со строительством в более теплых регионах мира, окружавших Россию. Одежда и средства передвижения должны были быть приспособлены для летнего и зимнего времени. Хотя Россия не является единственной страной, расположенной в северных широтах, по численности населения она давно опередила другие северные страны. В регионах других стран, столь же сильно приближенных к Северному полюсу, плотность населения в несколько раз меньше, чем в соответствующих областях России. Число дней в году с минусовыми температурами на территории России, умноженное на количество ее населения, позволяет говорить о том, что народы нашей страны являются «самыми замороженными в мире».

Вегетационный период в значительной части нашей страны до предела сокращен. В то же время таяние обильных снегов после наступления весны и осенние дожди делали непроходимыми дороги, превращали на несколько недель пахотную землю в непролазное болото. Даже небольшие речки, разливаясь по окрестным лугам, становились непреодолимыми водными преградами. При этом постоянно повторявшиеся паводки разрушали дороги и переправы через реки. Погодные условия до предела ограничивали время полевых работ и могли превращать трудовую операцию в изнурительную пытку. Рассказывая об условиях жизни сибирских крестьян, А.П. Чехов подчеркивал, что местный крестьянин «девять месяцев не снимает рукавиц и не распрямляет пальцев: то мороз в сорок градусов, то луга на двадцать верст затопило, а придет короткое лето – спина болит от работы и тянутся жилы».

В отличие от расположенных к югу от России азиатских стран, на подавляющей части нашей страны было невозможно организовать поливное земледелие. Выращивание теплолюбивых культур в России ограничено, а урожаи не могут быть столь обильны, как в Южной Азии, расположенной в низких широтах, или в Западной Европе, обогреваемой Гольфстримом. В отличие от значительной части стран Западной Европы и восточной части США, Россия постоянно страдала от неравномерности в осадках, а поэтому и в урожаях.

Следствием перечисленных выше обстоятельств были голодовки, которые повторялись в России приблизительно раз в 3–4 года. Особенно грандиозными были голодовки 1891 и 1911 гг. Голод 1911 года охватил 20 губерний с населением около 30 миллионов человек. В начале XX века в России продолжали повторять слова Н.А. Некрасова: «Где народ, там и стон...» И. Бунин в своей повести «Деревня», написанной уже в начале XX века, устами своего героя Тихона Ильича размышлял: «Господи Боже, что за край! Чернозем на полтора аршина, да какой! А пяти лет не проходит без голода. Город на всю Россию славен хлебной торговлей, – ест же этот хлеб досыта сто человек во всем городе».

Вспоминая свое крестьянское детство, генерал армии И.В. Тюленев писал: «Лишения и невзгоды, голод и холод постоянно стучались в дверь... Семья у нас, Тюленевых, была большая: шесть человек своих ребят да четверо оставшихся от дяди после его смерти. Отцу с матерью надо было трудиться не покладая рук, чтобы прокормить такую ораву... Земли было мало. Крохотный надел не мог досыта прокормить столько ртов».

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, который был моложе И.В. Тюленева на четыре года и так же, как и он, рос в крестьянской семье, вспоминал, что зима 1902 года «для нашей семьи оказалась очень тяжелой. Год выдался неурожайный, и своего зерна хватило только до середины декабря. Заработки отца и матери уходили на хлеб, соль и уплату долгов. Спасибо соседям, они иногда нас выручали то щами, то кашей». Летом будущий маршал ловил в речке рыбу и «делился рыбой с соседями за их щи и кашу».

Голодание способствовало распространению болезней, что усугублялось низким уровнем развития медицины в деревне. Герой повести Бунина рассуждал: «А ярмарка? Нищих,

дурачков, слепых и калек, – да всё таких, что смотреть страшно и тошно, – прямо полк целый!».

Низкий уровень гигиены лишь увеличивал число хронических инвалидов и умерших во время периодически повторявшихся эпидемий. Описывая в той же повести ужасающую антисанитарию деревенской жизни, Бунин писал, что зимой в деревне неизбежно начинались «повальные болезни: оспа, горячка, скарлатина».

В поисках избавления от тяжелой крестьянской участи многие люди уходили в города, пополняя ряды растущего рабочего класса. Бурное увеличение экономического производства в России сопровождалось не менее быстрым развитием классовых противоречий между растущими классами – буржуазией и пролетариатом. К концу XIX века в России насчитывалось около 10 миллионов наемных рабочих, которых старались максимально эксплуатировать хозяева фабрик и заводов. В середине 80-х годов XIX века лишь на 10 % фабрик продолжительность рабочего дня была меньше 12 часов. На 44 % фабрик она составляла 13 и 13,5 часа, а на 5,4 % фабрик – 15 часов и более. Женщины и дети работали столько же, сколько мужчины. В 1900 году рабочий день составлял в России в среднем 11,2 часа, однако циркулярами министерства финансов разрешались сверхурочные работы, и поэтому средний рабочий день зачастую достигал 14 или 15 часов.

Заработная плата рабочих в среднем составляла 48 рублей 50 копеек, что не покрывало минимальных расходов. В середине 70-х годов дефицит рабочего бюджета составлял 10 %, шахтера и заводского рабочего Урала – 20 %. Исследователь Е.М. Дементьев писал, что заработок рабочего Московской губернии представлял собой «минимум, обеспечивающий от голода», дающий возможность существовать «полуголодной жизнью». К тому же предприниматели заставляли рабочих покупать продукты в фабричной лавке по грабительским ценам, взыскивали высокую плату за место в тесных и грязных бараках, взымали штрафы, доходившие подчас до половины заработка. На текстильных фабриках в 80-х годах штрафы составляли от 5 % до 40 % заработка.

Условия труда многих рабочих были невыносимо тяжелыми. Рассказывая А.И. Куприну и его спутнику о Юзовском заводе, их случайный попутчик говорил: «Как отбарабанили дневные рабочие свою упряжку, двенадцать часов кряду, сейчас их ночные сменяют. И так целую неделю. А на другую неделю опять перемена: дневные ночными становятся, а ночные – дневными».

Объясняя, что означала изнурительная работа для рабочего, герой повести А.И. Куприна «Молох» (1896 г.) инженер Бобров, обращаясь к врачу Гольдбергу, говорил: «Работа в рудниках, шахтах, на металлических заводах и на больших фабриках сокращает жизнь рабочего приблизительно на целую четверть. Я не говорю уже о несчастных случаях или непосильном труде. Вам, как врачу, гораздо лучше моего известно, какой процент приходится на долю сифилиса, пьянства и чудовищных условий прозябания в этих проклятых бараках и землянках... Вспомните, много ли вы видели рабочих старше сорока – сорока пяти лет? Я положительно не встречал. Иными словами, это значит, что рабочий отдает предпринимателю три месяца своей жизни в год, неделю – в месяц или, короче, шесть часов в день... У нас, при шести домах, будет занято до тридцати тысяч человек... Тридцать тысяч человек, которые все вместе, так сказать, сжигают в сутки сто восемьдесят тысяч часов своей собственной жизни... Двое суток работы пожирают целого человека... Вы помните из Библии, что какие-то там ассирияне или моавитяне приносили богам человеческие жертвы? Но ведь эти медные господа, Молох и Дагон, покраснели бы от стыда и от обиды перед теми цифрами, что я сейчас привел».

Инженеру Боброву один из хозяев шахт и заводов Донбасса, Квашнин, представлялся как новый Молох, «окровавленное, уродливое и грозное божество, вроде тех идолов восточных культов, под колесницы которых бросаются во время религиозных шествий опьяневшие от экстаза фанатики». Упоенный своей неограниченной властью над десятками тысяч людей, Квашнин вещал: «Не забывайте, что мы соль земли, что нам принадлежит будущее... Не мы

ли опутали весь земной шар сетью железных дорог? Не мы ли разверзаем недра земли и превращаем ее сокровища в пушки, мосты, паровозы, рельсы и колоссальные машины? Не мы ли, исполняя силой нашего гения почти невероятные предприятия, приводим в движение тысячами миллионные капиталы?... Знайте, господа, что премудрая природа тратит свои творческие силы на создание целой нации только для того, чтобы из нее вылепить два или три десятка избранных. Имейте же смелость и силу быть этими избранными, господа!».

К этому «Молоху» обратились жены рабочих с жалобой на тяжелые жилищные условия. Окружив Квашнина, они голосили: «Помираем от холоду, кормилец... Никакой возможности нету больше... Загнали нас на зиму в бараки, в них нешто можно жить-то? Одна только слава, что бараки, а то как есть из лучины выстроены... И теперь-то по ночам нестерпиво от холоду... зуб на зуб не попадает... А зимой что будем делать? Ты хоть наших робяток-то пожалей, пособи, голубчик, хоть печи-то прикажи поставить... Пишшу варить негде... На дворе пишшу варим... Мужики наши целый день на работе... Иззябши... намокши... Придут домой – обсушиться негде».

Подобные жилищные условия были обычными для сотен тысяч российских рабочих. Описывая положение питерских рабочих, священник Георгий Гапон отмечал, что многие из рабочих не имеют средств, чтобы снять отдельную комнату, «и ютятся по несколько семей в одной комнате». Гапон писал, что «положение на бумагопрядильных производствах много хуже. Обыкновенно какая-нибудь женщина нанимает несколько комнат и пересдает их, так что часто по десяти и даже больше человек живут и спят по трое и больше в одной кровати».

Существовавшие в России условия труда и быта рабочих стали причиной многочисленных участвовавших забастовок на промышленных предприятиях страны в конце XIX века – начале XX века. По словам возглавившего «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» Г. Гапона, требования, которые выдвинули рабочие Петербурга в ходе начавшейся в январе 1905 г. забастовки, были следующими: «1) Цена на контрактные работы (срочные) должны быть устанавливаема не произвольным решением мастеров, а по взаимному соглашению между начальством и делегатами от рабочих; 2) Учреждение при заводе постоянной комиссии из представителей администрации и рабочих для разбора всех жалоб, причем без согласия комиссии никто не мог быть уволен; 3) восьмичасовой рабочий день: на этом пункте не настаивали, откладывая его до выработки соответствующего законодательства; 4) увеличение поденной платы женщинам до 70 копеек в день; 5) отмена сверхурочных работ, за исключением добровольного соглашения, и тогда – двойная плата; 6) улучшение вентиляции в кузнечных цехах; 7) увеличение платы чернорабочим до одного рубля в день; 8) никто из забастовавших не должен пострадать; 9) за время забастовки должно быть заплачено».

Отказ владельцев заводов удовлетворить эти умеренные требования вызвал предложение отправиться к царю и лично изложить ему жалобы столичных рабочих. Петиция, написанная Гапоном и одобренная десятками тысяч участников рабочих собраний, начиналась словами: «Мы, рабочие города Санкт-Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать».

Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению! Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук».

Рабочие просили Николая II: «Повели немедленно, сейчас же, призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель, – пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, а для этого повели,

чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии всеобщей, прямой, тайной и равной подачи голосов. Это самая главная наша просьба; в ней и на ней зиждится все. Это главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны вечно будут сочиться и быстро двигать нас к смерти».

Рабочие требовали от царя также осуществить «меры против невежества и бесправия русского народа»: «1) Свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, свобода собраний, свобода совести в деле религии; 2) Общее и обязательное народное образование на государственный счет; 3) Ответственность министров перед народом и гарантии законности управления; 4) Равенство пред законом всех без исключения; 5) Немедленное возвращение всех пострадавших за убеждения».

Затем следовал список мер, которые царь должен был принять «против нищеты народа»: «1) Отмена косвенных налогов и замена их прямым, прогрессивным и подходящим налогом; 2) Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу».

Последними были перечислены «меры против гнета капитала над трудом»: «1) Охрана труда законом; 2) Свобода потребительно-производительных и профессиональных рабочих союзов; 3) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ; 4) Свобода борьбы труда с капиталом; 5) Участие представителей рабочих в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих; 6) Нормальная заработная плата».

Петиция завершалась просьбой к царю осуществить вышеуказанные меры: «Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию счастливой и славной, а имя свое запечатаешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, – мы умрем здесь, на этой площади, пред твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем! У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. Укажи, государь, любой из них, мы пойдем по нему беспрекословно, хотя бы это и был путь к смерти. Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России! Нам не жалко этой жертвы, мы охотно приносим ее!».

По содержанию и форме петиция рабочих Санкт-Петербурга не имела прецедентов в истории России. Начинаясь как слезная жалоба, она переходила на четкий перечень важнейших политических, экономических и социальных требований, впервые открыто предъявленных самодержцу. Петиция завершалась ультимативным требованием: царь должен был явиться на встречу с участниками шествия. В противном случае демонстранты угрожали умереть на Дворцовой площади.

К этой петиции Гапон приложил письмо к императору. В нем он писал: «Государь! Боюсь, что твои министры не сказали тебе всей правды о настоящем положении вещей в столице. Знай, что рабочие и жители г. Петербурга, веря в тебя, бесповоротно решили явиться завтра в 2 часа пополудни к Зимнему дворцу, чтобы представить тебе свои нужды и нужды всего русского народа. Если ты, колеблясь душой, не покажешься народу, и если прольется невинная кровь, то порвется та нравственная связь, которая до сих пор существует между тобой и твоим народом. Доверие, которое он питает к тебе, навсегда исчезнет. Явись же завтра с мужественным сердцем перед твоим народом и прими с открытой душой нашу смиренную петицию. Я, представитель рабочих, и мои мужественные товарищи ценой своей собственной жизни гарантируем «неприкосновенность твоей особы». Свящ. Г. Гапон. 8 января 1905 г.».

В тот день Николай II записал в своем дневнике: «8 января. Суббота. Ясный морозный день. Было много дел и докладов. Завтракал Фредерикс. Долго гулял. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120 000 ч. Во главе рабочего союза какой-то священник – социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах».

Из этой записи в дневнике не ясно, ознакомился ли царь с петицией рабочих и письмом Георгия Гапона, или нет. В ходе же своего доклада царю министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский скорее всего сообщил царю о переброске войск, которые направлялись в столицу «для усиления гарнизона». Истекали последние часы до 9 (22) января 1905 г. – дня, с которого ведет отсчет первая русская революция.

Как завели в западню первую русскую революцию

События, которые разразились на следующий день в российской столице, назревали давно. Нужды питерских рабочих, о которых шла речь в их петиции Николаю II и в письме царю от Гапона, были лишь частью множества проблем России, накопившихся к началу нового столетия. Не только революционеры, но и все мыслящие люди страны все чаще говорили о неминуемости грандиозных общественных потрясений. Своеобразным отражением этих настроений стало стихотворение Блока, написанное им 3 марта 1903 г. и открывавшееся словами: «– Всё ли спокойно в народе?! – Нет, император убит./ Кто-то о новой свободе/ на площадях говорит».

Поражения российской армии в ходе Русско-японской войны, начавшейся в конце января 1904 года, обнажили отставание России в развитии ряда отраслей хозяйства и транспортной системы, плохую организацию вооруженных сил, вопиющее казнокрадство. Об этих и других пороках существующей системы все чаще говорили ораторы в ходе так называемой «банкетной кампании», охватившей либеральную общественность с осени 1904 года. В ноябре 1904 г. на Петербургском общеземском съезде, на котором были представлены либеральные организации «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов», была выдвинута программа политических реформ, предусматривавшая создание народного представительства с законодательными правами, расширение гражданских свобод.

Говорили о пороках существующей системы и причинах поражений русских армий и на собраниях питерских рабочих. Гапон вспоминал: «Когда выяснилась вся неспособность вождей армии и флота, все злоупотребления, вся деморализация и когда, наконец, поражения за поражением стали сыпаться на головы нашего самоотверженного войска, рабочие возненавидели войну и все смелее и смелее стали критиковать ответственное и во всем виноватое правительство... Хотя требование обществом реформ и разрасталось в колоссальных размерах, но мне казалось, что наша рабочая петиция должна быть подана только в один из критических моментов, вроде падения Порт-Артура».

Падение Порт-Артура после почти годовой осады 20 декабря 1904 (2 января 1905 г.) дало толчок для ускорения антиправительственных выступлений, и не только в Петербурге. 8 января 1905 г. в подпольной Авлабарской типографии Кавказского союза РСДРП была отпечатана прокламация, открывавшаяся словами: «Редуют царские батальоны, гибнет царский флот, сдался, наконец, позорно Порт-Артур, – и тем еще раз обнаруживается старческая дряблость царского самодержавия». Автор прокламации Иосиф Джугашвили писал: «Русская революция неизбежна. Она так же неизбежна, как неизбежен восход солнца. Можете ли вы остановить восходящее солнце?».

После того, как 9 января над Петербургом взошло солнце, десятки тысяч рабочих и членов их семей двинулись к Зимнему дворцу для встречи с царем. Они не знали, что Николай II не приехал в столицу для встречи с рабочими, а остался в Царском Селе. Из воспоминаний Гапона следует, что с самого начала демонстрации для многих ее участников стало ясно, что над ними нависла угроза кровавой расправы. Рабочие сообщали Гапону, что «весь Петербург превратился в военный лагерь. По всем улицам двигались войска: кавалерия, пехота, артиллерия, сопровождаемые походными кухнями и лазаретами. Всюду вокруг костров стояли пикеты с оружием, поставленным в козлы». Получив эти сведения, Гапон все же приказал идти к Зимнему дворцу.

Люди шли под пение молитвы «Спаси, Господи, люди твоя». Гапон выкрикивал: «Мужайтесь! Или смерть, или свобода!». У Нарвской заставы, как вспоминал Гапон, толпе путь преградили ряды пехоты, «впереди пехоты стояла кавалерия с саблями наголо... Вдруг сотня казаков бросилась на нас с обнаженными саблями... Раздался крик ужаса, когда казаки обрушились

на нас... Я видел, как подымались сабли, и мужчины, женщины и дети падали как подкошенные... Вдруг, без всякого предупреждения, раздался выстрел». Сотни рабочих и членов их семей были разрублены или расстреляны.

После установления Советской власти 22 января (9 января по старому стилю) стал ежегодно отмечаться как день памяти жертв Кровавого воскресенья. (Потом этот же день стал одновременно днем памяти Ленина, скончавшегося 21 января 1924 г.) Этот день был выходным, но траурным. На улицах вывешивали флаги с черной траурной полосой. Хотели этого организаторы этой традиции, или нет, но траур в честь погибших питерских рабочих невольно символизировал трагическую судьбу первой русской революции, которая была обречена на поражение с первого же ее дня.

9 января 1905 года в западню попала не только процессия, возглавлявшаяся Гапоном, но и первая русская революция. Хотя весть о кровавой расправе вызвала возмущение в рабочей среде, кое-где в столице рабочие захватывали оружейные склады и разоружали полицейских, а на Васильевском острове даже воздвигли баррикады, восстания в столице империи не произошло. Хотя после Кровавого воскресенья на многих предприятиях страны прошли стачки, эти выступления не переросли во всеобщее восстание против существовавшего строя. Нет сомнения в том, что миллионы людей в России были потрясены рассказами о бесчеловечной расправе, но они не желали испытать судьбу питерских рабочих, которые были брошены под удары сабель или выстрелы из винтовок. В то же время последующие события показали, что расхожее представление о том, что 9 января была расстреляна вера народа в царя, было преувеличенным. Поэтому ошибочными были ожидания сторонников революции скорого свержения самодержавия.

О том, что царское правительство ощущало уверенность в прочности своего положения после Кровавого воскресенья, свидетельствовала речь Николая II перед депутацией рабочих, которую он принял в Царском Селе 19 января. Признав, что «жизнь рабочего... не легка», что в ней «много надо улучшить», царь призвал слушателей иметь терпение. Он пообещал сделать «все возможное к улучшению быта» рабочих. Однако он тут же объявил: «Мятежною толпою заявлять мне о своих нуждах – преступно». Он винил рабочих, которые пришли 9 января на Дворцовую площадь и были расстреляны, в том, что они «дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей страны». Вместо того чтобы осудить жестокую расправу, наказать ее организаторов или хотя бы выразить соболезнование жертвам, их родным и близким, Николай II заявил: «Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызовет и неповинные жертвы». В конце речи Николай II милостиво прощал «вину» рабочих, которые приняли участие в шествии 9 января.

В этой короткой речи царь фактически отверг требования рабочих, которые были изложены в их петиции. О созыве Учредительного собрания, избранного в ходе всеобщих, прямых и тайных выборов, гражданских свободах, 8-часовом рабочем дне, обязательном государственном образовании для всех и многом другом царь не сказал ни слова. Даже туманное обещание царя позаботиться об улучшении быта рабочих умерялось его призывом «быть справедливым... к вашим хозяевам и считаться с условиями нашей промышленности». Одновременно царь продемонстрировал готовность по-прежнему действовать так же жестоко, как действовали его войска 9 января.

До сих пор неизвестно, когда правительство приняло решение осуществить резню в центре столицы империи, продемонстрировав свое нежелание считаться с правовыми нормами, законом, моралью и человечностью по отношению ко всем, кто выступал за осуществление насущных политических, экономических и социальных преобразований. Вероятно, кое-что мог бы разъяснить на этот счет Георгий Гапон. Ведь он не только был причастен к подготовке петиции, в которой были перечислены основные требования революционных сил. Гапон мог

бы рассказать, кто помог ему собрать эти требования, соединив их с ультимативными приказами (в частности, чтобы император явился на встречу в определенный час и дал клятву об исполнении всех перечисленных в петиции реформ). Приказной тон петиции был удобен правительству для предъявления участникам шествия обвинений в мятеже. Этим и воспользовался император в своей речи 19 января. Гапон мог рассказать о том, кто посоветовал ему повести шествие 120 тысяч человек в заранее заготовленную ловушку.

Вскоре после Кровавого воскресенья священник бежал за границу и там выпустил автобиографическую книгу «Моя жизнь», в которой постарался изобразить себя в наиболее благовидном свете. В то же время в этой книге Гапон не скрыл своего знакомства с начальником московского охранного отделения С. В. Зубатовым. Известно, что еще в 1901 г. по предложению Зубатова в стране стали создаваться рабочие организации, выступавшие в защиту своих экономических требований, но одновременно сохранявшие преданность царской власти. Зубатов стал активно использовать Гапона в деятельности создаваемых им рабочих организаций. Хотя в своих воспоминаниях Гапон утверждал, что он стремился сохранять самостоятельность в своих действиях, он признал, что после многочисленных встреч с Зубатовым он «стал организовывать группу будущих вожаков, частью из зубатовцев, частью из своих людей, и подготавливать их путем частых собеседований к будущей деятельности».

Хотя летом 1903 г. зубатовские рабочие организации были ликвидированы, а сам Зубатов был отстранен от должности, историки Б. К. Эренфельд и Ю. И. Кирьянов утверждали в «Советской исторической энциклопедии», что создание в 1904 г. «Собрания русских фабричных рабочих Санкт-Петербурга» во главе с Г. Гапоном было «рецидивом зубатовщины». Как протекал этот «рецидив», историки не поясняли. Между тем есть веские основания полагать, что «Собрание» Гапона и он сам находились под неусыпным контролем полиции. Не исключено, что отказ от «зубатовщины» был вызван ростом революционных настроений в рабочей среде, которые уже не могли быть сдержаны проповедями классового мира. Поэтому полиция посылала своих агентов в ряды революционных организаций не только для того, чтобы получать о них информацию, но и направлять их деятельность.

Полицейские агенты становились членами созданной в конце 1901 года партии социалистов-революционеров (эсеров). Таким был Евно Фишелевич Азеф. В 1901 году он возглавил только что созданную партию эсеров вместе с Г. А. Гершуни, В. М. Черновым, М. Р. Гоцом. Объединив в своем составе немало бывших народников, партия эсеров отрицала классовую борьбу, противопоставляя ей идеи «единства народа». Подобно тем народническим организациям, которые возводили в культ террористические методы борьбы, эсеры осуществляли теракты якобы во имя победы «социальной революции». Помимо дискредитации идей революции среди широких народных масс, теракты эсеров (как это было и в ходе терактов народников) нередко служили для сведения личных счетов, а то и для устранения с помощью полицейской агентуры лиц, неудобных властям или противоборствовавших правящим группировкам.

Для осуществления террористических актов в партии эсеров была создана Боевая организация. Возможности использования террористических методов для разгрома революционных сил существенно возросли, когда во главе эсеровской Боевой организации встал Евно Азеф. Последующие события показали, что Азеф не был единственным сотрудником полиции в рядах эсеров.

Между прочим, в своей автобиографии Гапон сообщал, что в его окружении постоянно находились эсеры. Вместе с ними он шел к Зимнему дворцу в роковой день 9 января. Хотя почти все участники шествия не были вооружены, эсеры, по признанию Гапона, имели с собой револьверы. Сам Гапон стал свидетелем того, как после начала расправы над демонстрантами два офицера были убиты. Скорее всего, в них стреляли вооруженные эсеры. Очевидно, что подобные лица должны были провоцировать расправу, если бы войска не стали стрелять в народ.

После тайного возвращения из-за границы в Россию Гапон был схвачен эсерами, а затем 28 марта 1906 г. был подвергнут их судилищу в дачном доме в местечке Озерки под Петербургом. Руководивший «судом» эсер П. Рутенберг обвинил Гапона в связях с полицией. По приговору трибунала, собранного из эсеров и их сторонников, священник был повешен. Так был устранен важнейший свидетель, который мог бы рассказать немало о том, как и кем была организована чудовищная бойня в центре российской столицы, а заодно раздавлена первая волна русской революции 9 (22) января 1905 г.

Остались скрытыми от истории и многие факты о деятельности Боевой организации, члены которой за время ее существования совершили 263 террористических акта. В ходе них были убиты 2 министра внутренних дел (Д. С. Сипягин и В. К. Плеве), 33 генерал-губернатора, губернаторы и вице-губернаторы, в том числе губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович, 16 градоначальников, 7 адмиралов и генералов, а также много других представителей правоохранительных органов и высокопоставленных чиновников России. Такое количество высших чинов полиции и военачальников не сумела уничтожить ни одна из существовавших в то время террористических организаций во всех других странах мира. Возникает вопрос: почему Азеф, стоявший во главе Боевой организации, не сделал ничего для того, чтобы предотвратить эти убийства, хотя бы заранее сообщая жертвам о планах террористов? Не вернее ли предположить, что многие из этих убийств совершались с ведома определенной части полиции или правящих группировок?

О том, что стремление властей раздавить революцию сочеталось с жестоким соперничеством внутри правящих кругов, свидетельствовала борьба не на жизнь, а на смерть между председателем Совета министров С. Ю. Витте и министром внутренних дел П. А. Столыпиным. Издававшаяся с 1905 года при патронаже полиции ежедневная антисемитская газета «Русское знамя» избрала в качестве одной из главных мишеней С. Ю. Витте. Газета объявила русского премьера «главным врагом русского народа» и «главным помощником евреев». При этом обращали особое внимание на еврейскую национальность жены Витте.

Помимо словесных выпадов против Витте в печную трубу его дома осенью 1905 г. была подложена бомба, которая только чудом не взорвалась. Но неоднократные покушения предпринимались и против Столыпина. Их жертвами стали 27 человек, находившихся на даче Столыпина. Была покалечена и дочь Столыпина. Эти покушения совершали члены Боевой организации эсеров.

О том, что эта борьба достигла крайней степени, свидетельствовало покушение 1 сентября 1911 г. на премьер-министра России П.А. Столыпина. Он был смертельно ранен в Киевском оперном театре, где находился вместе с Николаем II. Убийцей был эсер-террорист Д.Г. Богров, который беспрепятственно проник в тщательно охраняемый театр, так как у него был документ, удостоверявший о его сотрудничестве с полицией.

Казалось бы, убийство главы правительства России должно было стать причиной тщательного расследования. Однако попыток установить связи между партией эсеров, в которой состоял Богров, и охранкой не предпринималось. Без внимания было оставлено и то обстоятельство, что никто из государственных чиновников не удосужился встретить премьера на вокзале, когда тот прибыл в Киев 1 сентября 1911 г., и тому пришлось брать извозчика. А ведь это ярко свидетельствовало о том, что по меньшей мере за несколько часов до убийства П. А. Столыпина с ним уже перестали считаться во властных структурах страны. (Представим себе, что нынешнего премьер-министра России по приезде в Петербург никто не встретит и он будет вынужден бегать по вокзалу и искать такси!) Нет сомнений в том, что убийство премьер-министра России свидетельствовало о крайнем обострении внутривластной борьбы в правящих верхах, а также о готовности противоборствующих группировок прибегать к самым жестоким способам по устранению своих соперников.

Расследование же личности убийцы позволило бы поставить вопрос о коварной роли в общественно-политической жизни России партии эсеров, члены которой использовались для совершения убийств по заказу правящих кругов. Однако в начале века название партии и пламенные речи ее лидеров привлекали симпатии к эсерам миллионов людей в России, стремившихся к построению общества социальной справедливости. В годы первой русской революции мало кто ставил под сомнение «социалистический» и «революционный» характер партии, члены которой участвовали в уличных демонстрациях, забастовках и даже выступали с оружием в руках против царских министров, губернаторов и генералов.

Что порой скрывалось под знаменами марксизма

К событиям 9 января и террористической деятельности тех лет не были причастны социал-демократы. Они были идейными и политическими противниками эсеров и их предшественников – народников. Полемика между народниками (а затем эсерами) и сторонниками марксизма не прекращалась во всех подпольных кружках со времени их появления в России в конце XIX века. В ходе этой борьбы идейная эволюция привела к марксизму некоторых видных деятелей народнического движения, таких как Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. Н. Игнатов. Эти бывшие народники создали в 1883 г. первую российскую группу марксистов «Освобождение труда», которая затем стала организатором Российской социал-демократической партии в 1898-м.

В 1900 г. после завершения своего пребывания в сибирской ссылке за границу прибыл В. И. Ульянов (Ленин), который встретился в Швейцарии с Плехановым, Засулич, Аксельродом и другими членами группы «Освобождение труда». Хотя на первых порах Плеханов отверг предложение Ленина о создании массовой марксистской газеты, он и другие ветераны российской социал-демократии в конечном счете вошли в состав редакции вновь созданного центрального органа РСДРП, получившего название «Искра». Рассматривая «Искру» как рычаг, с помощью которого можно будет превратить рабочее движение России в могучую революционную силу, Ленин говорил: «Газета – это не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор».

В российской полиции сразу же обратили внимание на появление нового влиятельного марксиста. В секретной переписке с начальством Зубатов в декабре 1900 г. подчеркивал, что «крупнее Ульянова сейчас в революции нет никого», и предлагал немедленно организовать его убийство.

С помощью «Искры» РСДРП вела активную работу по распространению идей марксизма в России и готовила среди рабочих страны будущих участников революции. Однако на состоявшемся за полтора года до начала первой русской революции II съезде РСДРП произошел раскол на большинство во главе с В. И. Лениным (большевики) и меньшинство во главе с Ю. О. Мартовым, В. И. Засулич, П. Б. Аксельродом и другими (меньшевики). Фактический руководитель партии Г. В. Плеханов на съезде поддержал В. И. Ленина, но затем присоединился к меньшевикам. Особенно острый характер приняла дискуссия о первом параграфе устава партии. В.И. Ленин настаивал на том, чтобы член партии не только признавал программу РСДРП и поддерживал ее в материальном отношении, но лично участвовал в деятельности одной из партийных организаций. Против формулировки Ленина выступил Мартов. Хотя к этому времени Ленина поддерживало большинство, при голосовании формулировка первого параграфа в ленинской редакции была отвергнута, а был принят вариант Мартова. Дискуссия по этому вопросу вскрыла глубокие идейные разногласия между большевиками, исходившими из того, что партия должна быть готова к революционным боям, и меньшевиками, не верившими в революционные возможности российского пролетариата.

Разногласия между большевиками и меньшевиками продолжали углубляться. Характеризуя расстановку сил между большевиками и меньшевиками на состоявшемся в 1907 г. V съезде РСДРП, один из его делегатов Джугашвили (впоследствии принявший псевдоним «Сталин») писал: «Выяснилось, что большие группы меньшевистских делегатов посылаются главным образом крестьянскими и ремесленными районами: Гурия (9 делегатов), Тифлис (10 делегатов), малороссийская крестьянская организация «Спилка» (кажется, 12 делегатов), Бунд (громадное большинство – меньшевистское) и, как исключение, – Донецкий бассейн (7 человек). Между тем как большие группы большевистских делегатов посылаются исключительно

крупнопромышленными районами: Петербург (12 делегатов), Москва (13 или 14 делегатов), Урал (21 делегат), Иваново-Вознесенск (11 делегатов), Польша (45 делегатов)».

Из этих данных Джугашвили делал такой вывод: «Очевидно, тактика большевиков является тактикой крупнопромышленных пролетариев, тактика тех районов, где классовые противоречия особенно ясны и классовая борьба особенно резка. Большевизм – это тактика настоящих пролетариев. С другой стороны, не менее очевидно и то, что тактика меньшевиков является по преимуществу тактикой ремесленных рабочих и крестьянских полупролетариев, тактикой тех районов, где классовые противоречия не совсем ясны и классовая борьба замаскирована. Меньшевизм – это тактика полубуржуазных элементов пролетариата», – утверждал Джугашвили.

По мнению Джугашвили, «не менее интересен состав съезда с точки зрения национальностей. Статистика показала, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи (не считая, конечно, бундовцев), далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские, далее идут евреи (не считая, конечно, поляков и латышей), затем грузины и т. д.».

Джугашвили так объяснял распределение этнических групп среди двух противоборствовавших фракций РСДРП: «Очагами большевизма являются главным образом крупнопромышленные районы, районы чисто русские, за исключением Польши, тогда как меньшевистские районы, районы мелкого производства, являются в то же время районами евреев, грузин и т. д.».

Несмотря на существенные идейные разногласия, члены противоборствующих фракций обращались к положениям общей для них марксистской теории для обоснования своей правоты. Доказывая ненужность союза с крестьянством в революционной борьбе (на чем настаивал Ленин), Плеханов обвинял большевиков в отказе от марксизма и подмене его бланкизмом и утопизмом. Обосновывая же курс меньшевиков на сотрудничество с либеральной буржуазией, Плеханов ссылаясь на «материалистическое понимание истории» и доказывал, что политические интересы пролетариата и буржуазии могут совпадать в борьбе «с пережитками добуржуазного общества».

Помимо двух главных противоборствующих фракций в РСДРП существовало и немало мелких группировок. При этом некоторые члены партии не раз меняли свои взгляды, но всякий раз провозглашая себя подлинными «марксистами». Одним из таких деятелей РСДРП был Лев Троцкий (Лейба Бронштейн).

С самого начала вступления Бронштейна в революционное движение прочность его марксистских взглядов вызвала сомнения у ряда его коллег по «Южно-русскому рабочему союзу». Они знали, что еще недавно в студенческом кружке города Николаева этот сын богатого одесского зерноторговца был яростным пропагандистом учения британского предпринимателя Иеремии Бентама, который был убежденным апологетом капиталистического строя. Однако в последний день 1896 года Лейба Бронштейн неожиданно объявил себя марксистом.

Хотя Лейба активно готовил листовки «Союза» и распространял их, после своего ареста в начале 1898 г. он не стал, по примеру его коллег, штудировать в тюремных камерах труды Маркса, Энгельса и их продолжателей, а в течение нескольких месяцев пребывания в заключении прилежно конспектировал литературу о масонстве. Более того, Бронштейн убеждал своих сокамерников в том, как полезен опыт конспиративной работы масонов для всех революционеров. Видимо, опыт тайной организации, имевшей своих агентов в различных политических партиях и государственных структурах, интересовал Бронштейна больше, чем марксистская теория. (В то же время попытки доказать впоследствии принадлежность Троцкого к масонской организации ни к чему не привели.)

Не смог заставить себя Бронштейн одолеть труды Маркса и в течение двухлетнего пребывания в сибирской ссылке. А поэтому в первый день своего знакомства с Лениным Брон-

штейн (который к этому времени взял в качестве псевдонима фамилию свирепого тюремщика Троцкого) больше всего боялся, что его собеседник начнет экзаменовывать его по марксизму. Нет оснований полагать, что в дальнейшем Троцкий занялся всерьез изучением марксистской теории. Возможно, что к этому времени Троцкий утвердился в своем решении полагаться не на научные теории, а на тайные связи, которые стали помогать ему в политической карьере.

В пользу такого предположения говорит то, что некие влиятельные силы помогали рядовому члену одного из социал-демократических кружков после его побега из Сибири, где он оставил свою молодую жену и двух дочерей, выехать за счет партии нелегально за границу. Очевидно, мощная поддержка проявилась и за границей, когда по прибытии в Вену Троцкий был принят там ведущими деятелями австрийской социал-демократии, а затем в лондонской редакции центрального органа РСДРП «Искры» был взят под опеку Лениным, который помогал ему писать статьи для главного органа РСДРП. И это несмотря на то, что стиль Троцкого вызывал раздражение Плеханова.

Хотя в течение нескольких месяцев Троцкий был верным сторонником Ленина, он с необыкновенной легкостью избавился от «ленинских взглядов» в ходе II съезда РСДРП и примкнул к меньшевикам. С июля 1903 по май 1917 год Троцкий непрерывно атаковал Ленина и большевиков. При этом Троцкий, который недавно боялся, что Ленин уличит его в незнании марксизма, теперь в своей работе «Наши политические задачи» обвинял вождя большевиков в искажении диалектического метода марксизма: «Поистине нельзя с большим цинизмом относиться к лучшему идейному достоянию пролетариата, чем это делает Ленин! Для него марксизм не метод научного исследования, налагающий большие теоретические обязательства, нет, это... половая тряпка, когда нужно затереть свои следы, белый экран, когда нужно демонстрировать свое величие, складной аршин, когда нужно предъявить свою партийную совесть!». Оскорбительные заявления Троцкого в адрес Ленина не прекращались в течение 14 лет письменной полемики. При этом Троцкий обзывал Ленина «профессиональным эксплуататором всякой отсталости в русском рабочем движении».

Правда, Ленин не уступал Троцкому в резкости критических замечаний, именуя его «Иудушкой» и «тушинским перелетом». Описывая политические метаморфозы своего бывшего протеже, Ленин позже писал: «Троцкий был ярым «искровцем» в 1901–1903 годах... В конце 1903 года Троцкий – ярый меньшевик, т. е. от искровцев перебежавший к «экономистам»; он провозглашает, что «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». В 1904–1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономистом»), то провозглашая несуразно-левую «перманентную революцию».

Соавтором Троцкого в разработке осужденной Лениным теории «перманентной революции» был Израиль Гельфанд (Александр Парвус), с которым сдружился Троцкий после разрыва с Лениным в 1903 году. Общим у двух выходцев из Одессы, оказавшихся в эмиграции, было их социальное происхождение. Как и у Троцкого, отец Парвуса был богатым зерноторговцем. Схожим было и благожелательное отношение к Парвусу со стороны лидеров европейской социал-демократии, когда тот прибыл в Германию в 1886 г. К моменту их знакомства Парвус уже занимал видное место в рядах германской социал-демократической партии Германии и считался специалистом по вопросам экономики.

Парвус взял под опеку Троцкого и поселил его в своем доме в Мюнхене. Там он совместно с Троцким разрабатывал теорию «перманентной революции», которая исходила из возможности развязывания пролетарской революции в России, минуя стадию буржуазно-демократической революции. Парвус и Троцкий полагали, что главная ценность пролетарской революции в России в том, что она даст толчок для мировой, «непрерывной», или «перманентной революции». Используя революционные лозунги, Парвус и Троцкий в то же время подчеркивали, что последствием перманентной революции должна стать интеграция экономики Европы.

Ленин одним из первых обратил внимание на фальшь революционных лозунгов Парвуса и Троцкого. По его словам, «теория перманентной революции» была «несуразно левой». Одновременно Ленин указывал на практический вред этой теории для руководства русской революции. Он писал: «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьянство на революцию». В этой теории проявлялось нежелание принимать во внимание революционный потенциал русского крестьянства.

Теоретическая работа двух друзей не была завершена, когда из России пришли вести о начале революции 1905 г. Хотя к тому времени Троцкий не примыкал ни к большевикам, ни к меньшевикам, по неизвестной причине руководство австрийской социал-демократической партии позаботилось о его переправке в Россию. На квартире руководителя партии В. Адлера у Троцкого сбрили бородку и его подгримировали. С февраля 1905 г. Троцкий нелегально жил в Киеве с паспортом прапорщика Арбузова. Лишь осенью 1905 г. Троцкий переместился в Финляндию.

Между тем не прекращавшаяся идейная борьба между большевиками и меньшевиками продолжалась и препятствовала осуществлению единых действий. Меньшевики наотрез отказались послать своих делегатов на III съезд РСДРП (апрель 1905 г.). Съезд, на котором преобладали большевики, принял решение о переходе от массовых политических стачек к вооруженному восстанию.

Тем временем власти предпринимали усилия для разъединения революционных сил по национальному признаку. Уже через месяц после Кровавого воскресенья Иосиф Джугашвили подготовил прокламацию в Тифлисе в связи с событиями в Баку, где в начале февраля произошло кровопролитное столкновение между армянами и азербайджанцами (последних в то время было принято называть татарами). Джугашвили писал: «Стоны умирающих в Баку армян и татар; слезы жен, матерей, детей; кровь, невинная кровь честных, но несознательных граждан; напуганные лица бегущих, спасающихся от смерти беззащитных людей; разрушенные дома, разграбленные магазины и страшный, несмолкающий свист пуль, – вот чем укрепляет свой трон царь – убийца честных граждан». Кровавые столкновения на межнациональной почве произошли и в других краях России.

Одновременно, стремясь расколоть революционные силы, правительство разрешило деятельность ряда политических партий и группировок, отражавших исключительно интересы этнических меньшинств. Правительство прибегало к политическому маневрированию не только на национальных окраинах, но и в масштабах всей страны. А.Г. Булыгин, возглавивший министерство внутренних дел России 22 января после отставки Святополка-Мирского, стал вести подготовку для проведения выборов в Государственную думу. Эти приготовления использовались для того, чтобы ослабить оппозиционные настроения.

Ослаблению оппозиции способствовало подписание 23 августа мирного договора с Японией, по которому Россия уступала победившей стране южный Сахалин и арендные права на Квантунский полуостров вместе с Порт-Артуром и Дальним. На эту войну Россия потратила 2,3 миллиарда рублей, потеряла около полумиллиарда рублей в виде имущества, отошедшего к Японии, а также потопленных судов. В ходе войны 400 тысяч солдат и офицеров погибли и были ранены. Несмотря на горечь утрат и поражений, дискуссии о неудачной войне стали затихать. Тем временем вернувшиеся с Русско-японской войны войска направлялись в города, чтобы быть готовым к подавлению возможных революционных выступлений.

Однако революционные силы также готовились к наступлению. 12 мая началась забастовка на текстильных фабриках в Иваново-Вознесенске, в которой приняло участие до 70 тысяч рабочих. В ходе забастовки, продолжавшейся 72 дня, впервые в России был создан общегородской Совет рабочих депутатов. Совет не ограничился решением вопросов трудового конфликта, а превратился в орган местной власти, создав охрану порядка в городе и установив

контроль за ценами. Один из ивановских фабрикантов говорил, что в городе создано «двоевластие». Совет, созданный в Иваново-Вознесенске, стал прообразом власти, установленной в ходе Октябрьской революции.

14 (27) июня произошло восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», которое продолжалось 11 дней. К осени 1905 г. революционные выступления развернулись по всей России. 6 (19) октября 1905 г. началась Всероссийская октябрьская политическая стачка, которая к 17 (30) октября привела к прекращению работы на всей железнодорожной сети страны, а также на электростанциях, городском транспорте, телефонных станциях Петербурга, Москвы и других крупных городов страны. В ходе Всероссийской стачки вспыхнули баррикадные бои в Харькове, Екатеринославе и Одессе. В результате всероссийской стачки в более чем 50 городах России, включая Петербург и Москву, были созданы Советы рабочих и Советы солдатских депутатов. В Латвии и Грузии возникли крестьянские комитеты. Городские советы и деревенские комитеты превращались в органы власти. Советы явочным порядком вводили 8-часовой рабочий день, осуществляли контроль за ценами, за работой коммунальных и торговых предприятий и нередко арестовывали полицейских.

В условиях нарастания революционной бури правительство решило вновь сманеврировать. 17 октября был опубликован манифест царя, который обещал обеспечить «незыблемые основы гражданской свободы», неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов. Манифест признавал Государственную думу законодательным органом, без одобрения которого никакой закон не мог войти в силу. Манифест отвечал многим требованиям либеральной буржуазии, значительной части интеллигенции, и поэтому эти политически активные слои населения потеряли интерес к революционной борьбе.

Публикация манифеста вызвала эйфорию в обществе. На небольшом полотне Илья Репин запечатлел ликующие лица людей, вышедших на городской бульвар 17 октября. В этот день герой повести В. Катаева «Белеет парус одинокий» Петя Бачей запомнил «национальные бело-сине-красные флаги», выставленные «над всеми воротами», и то, как, читая расклеенные на тумбах тексты манифеста, люди «не стесняясь тем, что находятся на улице, кричали «ура» и целовались, как на Пасху».

Поэтому публичные выступления ряда революционеров с осуждением манифеста как лицемерного маневра не только не получали массовой поддержки, но вызвали возмущение. Росту негодования способствовали вести о свержении памятников императорам России. Из уст в уста передавали слух о том, что в Киеве «студент-еврей проткнул красным флагом царский портрет». Утверждали, что другой студент-еврей, вырезав в портрете Николая II голову, вставил свою в образовавшееся отверстие и с балкона кричал: «Теперь я – государь!». Уверяли, будто евреи хвастали: «Скоро ваш Софийский собор будет синагогой... Скоро евреи будут министрами, а ваши министры будут наливать чай нашим тряпичникам! Мы вам дали Бога, мы дадим вам и царя».

В эмоциональной обстановке, порожденной сначала всеобщей эйфорией, а затем взвинченной провокационными слухами, начались еврейские погромы. Первый погром произошел в Орле 18 октября. Затем еврейские погромы прокатились по Курску, Симферополю, Ростову-на-Дону, Рязани, Великим Лукам, Казани, Новгороду, Смоленску, Томску, Туле, Уфе, охватив 660 городов, деревень и местечек России. По разным подсчетам в ходе погромов было убито от 800 до 4000 человек и свыше 10000 ранено. То обстоятельство, что погромы почти одновременно произошли, словно по единому сценарию, в тех городах России, где до этого ничего подобного не случалось, наводило на подозрения об ответственности властей за их организацию и их готовности прибегать к самым жестким методам подавления оппозиции. Погромы терроризировали значительную часть еврейского населения, до тех пор активно участвовавшую в революционных выступлениях (описывая этнический состав левых партий России в годы первой революции, историк М.Н. Покровский замечал: «По данным различных съездов,

евреи составляют от 1/4 до 1/3 организаторского слоя всех революционных партий».) Кроме того, погромы способствовали созданию среди политически неискушенных людей враждебности к революционным силам, как «инородческим».

Одновременно правительство готовило жестокие меры для разгрома революционных выступлений. В разгар октябрьской стачки 1905 г. петербургский генерал-губернатор Трепов отдал войскам приказ: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть!».

За два дня до провозглашения царского манифеста Троцкий под псевдонимом «Яновский» прибыл в Петербург, где, примкнув к меньшевикам, принял участие в заседании недавно созданного Совета рабочих депутатов. 17 октября новый депутат поднялся на трибуну в зале заседания Совета, держа в руках текст только что опубликованного царского манифеста. «Граждане! – воскликнул Троцкий-Яновский. – Наша сила в наших руках. С мечом в руке мы должны защитить свободу. А царский манифест – смотрите! – это лишь клочок бумаги». Очевидцы запомнили, как оратор «театральным жестом помахал манифестом перед толпой и яростно смял его в кулаке». Троцкий говорил: «Сегодня он дает нам свободу, а завтра отберет ее и разорвет в клочья, как сейчас я рву в клочья эту бумажную свободу перед вашими глазами!». Поразительным образом Троцкого, которого с июня 1902 г. разыскивали по всей России после его побега из Верхоленска, столичная полиция не смогла опознать.

Примерно в эти же дни в столице империи появился и Парвус. Удивительным образом рядовой член германской социал-демократической партии имел в своем распоряжении огромные суммы денег, позволившие ему в считанные дни открыть ряд периодических изданий, издававшихся огромными тиражами. Внезапное возвышение Троцкого в Совете, появление в Петербурге Парвуса и многие последовавшие за этим события происходили без ведома большевистского и меньшевистского крыльев РСДРП.

Купив либеральную «Русскую газету», Парвус превратил ее в «популярный орган воинствующего социализма». Одновременно Парвус организовал выпуск печатного органа меньшевиков «Начало». Хотя Мартов, поставленный у руководства газеты, не разделял взгляды Парвуса на перманентную революцию, он был вынужден пойти на пропаганду этой теории. «Мы вынуждены будем согласиться на пропаганду этой довольно рискованной идеи, не имея возможности что-либо возражать с нашей стороны», – писал Мартов Аксельроду. Мартов не объяснял, почему он не смел возражать Парвусу.

С конца октября у многих революционеров в России создавалось впечатление, что, несмотря на прекращение всеобщей стачки, революция вновь стала набирать силы. 26–27 октября восстали матросы и солдаты Кронштадта. 30–31 октября произошло восстание матросов во Владивостоке. В середине ноября 1905 г. вспыхнуло восстание матросов в Севастополе, которым руководил лейтенант П.П. Шмидт. В ожидании скорого начала решающих боев в начале ноября 1905 г. руководитель большевистской партии Ленин нелегально вернулся в Петербург. 23 ноября Ленин утверждал: «Растет восстание. Растет бессилие, растерянность, разложение самодержавного виттевского правительства». По другую сторону баррикад он видел прямо противоположный процесс: «организация и мобилизация революции».

Однако правительство в это время готовилось к нанесению сокрушительных ударов по революционным силам. 26 ноября руководство столичного Совета во главе с адвокатом Г.С. Хрустальевым-Носарем было арестовано. На другой же день 27 ноября было избрано временное председательское бюро в составе: Л.Д. Троцкий, Д.Ф. Сверчков, П.А. Злыднев. Если бы надежды революционеров сбылись, то Троцкий, превратившийся в одного из руководителей столичного Совета, мог бы стать одной из ключевых фигур в революционном правительстве России.

Вскоре после избрания Троцкого в руководство Петербургского Совета этот революционный орган власти принял 2 декабря подготовленный Парвусом «Финансовый манифест». Этот документ неожиданно переводил борьбу с правительством в совершенно иную плоскость.

«Финансовый манифест» призывал население не платить налогов и податей, забирать вклады из сберегательных банков, требовать во всех случаях расплаты золотом, не допускать уплаты государственных долгов по займам, а также «разоблачить перед всем миром финансовое банкротство правительства России». Газеты Парвуса широко распространяли этот манифест. Кажется, что некие финансовые силы были заинтересованы в крахе российской валюты или хотя бы в осуществлении выгодной им спекуляции.

Сообщение о ненадежности банков и неустойчивости российской валюты вызвало массовое изъятие вкладов из сберегательных банков. Объявление же о финансовом банкротстве правительства серьезно повлияло на котировку рубля на мировом финансовом рынке. Во втором томе «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (М., 1966 г.) отмечалось, что «Финансовый манифест получил поддержку ЦК РСДРП. В томе утверждалось, что «осуществление этого революционного призыва должно было подорвать финансовый престиж царизма».

Однако теперь через полвека можно усомниться в правильности такой оценки советских историков, а также действий ЦК РСДРП, тогда сильно преуменьшавшего силы царского правительства и преувеличившего революционные силы. Вряд ли документ, сочиненный Парвусом, продвинул вперед дело революции. Скорее напротив. Осознав всю чудовищность последствий «Финансового манифеста» для финансового состояния страны, премьер-министр С.Ю. Витте отдал распоряжение конфисковать все газеты, опубликовавшие это произведение Парвуса, и арестовать членов Петербургского Совета.

Разгон питерского Совета совпал с решением Московского Совета объявить всеобщую стачку, которая должна была перерасти в вооруженное восстание. Хотя в течение 10 дней несколько тысяч членов боевых дружин вели бои на баррикадах в ряде районов Москвы, после прибытия туда правительственных войск контрреволюция получила численный перевес, и восстание было разгромлено.

А вскоре были подавлены восстания матросов в Севастополе, Кронштадте, Владивостоке, а также восстания в Ростове, Новороссийске, Екатеринославе, Горловке, Харькове, Александрове, Красноярске, Чите, Перми, Нижнем Новгороде и других городах. Советы были разогнаны, многие их члены арестованы. Немало людей было убито в ходе подавления антиправительственных выступлений. Только в Москве было убито 1059 участников боев. По всей стране действовали карательные экспедиции. С января 1905 г. до апреля 1906 года общее число расстрелянных, повешенных и убитых достигло 14 тысяч человек. Число политических заключенных составило 75 тысяч. (В последующие годы репрессии продолжились. В 1907-09 гг. свыше 5 тысяч человек было предано смертной казни.)

Между тем обвал рубля, спровоцированный Парвусом, вынудил Россию обратиться к Франции с просьбой о предоставлении громадного займа. Несмотря на протесты зарубежной общественности, республиканская Франция предоставила заем самодержавному строю. Это существенно увеличило и без того обременительную внешнюю задолженность России.

Организаторы финансовой паники, обрушившие рубль, Троцкий и Парвус были преданы суду, хотя в ходе судебного процесса о «Финансовом манифесте» почти не было сказано. Подсудимым предъявили расплывчатые обвинения в сеянии смуты. На судебных заседаниях Троцкий произнес несколько ярких речей о революции. По приговору суда два друга были отправлены в ссылку за Полярным кругом в село Обдорск. Но Троцкий не сомневался в том, что их ссылка будет недолгой. Он был прекрасно оснащен для быстрого возвращения на волю. По словам Троцкого, «в подметке у меня был прекрасный паспорт, а в высоких каблуках – золотые червонцы». Видимо, таким же образом был подготовлен и Парвус.

В конце 1906 г. из ссылки сбежал Парвус, а в начале 1907 г. место ссылки покинул Троцкий. Друзья скоро встретились в Европе и стали совершать экскурсии по горам Саксонии, что было гораздо приятнее недавних странствий по заснеженным просторам России во время побегов из ссылки.

Возможно, что Троцкий имел личные причины, чтобы сокрушаться по поводу поражения первой русской революции. Ведь в случае ее успеха он мог бы занять один из ведущих постов в России. Не исключено, что это объясняет ту ярость, с какой Троцкий винил всех и вся в поражении революции. Даже через несколько лет после 1907 г. Троцкий в своих публикациях атаковал русское крестьянство, утверждая, что его «кретинизм» привел революцию к поражению.

Во многих своих публикациях Троцкий не переставал изливать ненависть к России. Противопоставляя России Западной Европе, Троцкий в своей рецензии на книгу Иванова-Разумника писал: «В цехах, гильдиях, муниципалитетах, университетах с их собраниями, избраниями, процессиями, празднествами, диспутами, сложились драгоценные навыки к самоуправлению, и там выросла человеческая личность – конечно буржуазная, но личность, а не морда, на которой любой будочник мог горох молотить... Какое жалкое дворянство наше? Где его замки? Где его турниры? Крестовые походы, оруженосцы, пажи? Любовь рыцарская? Тысячу лет жили в низком бревенчатом здании, где щели мохом законопачены, – ко двору ли тут мечтать о стрельчатых арках и готических вышках?».

Правда, в своих русофобских выпадах Троцкий не был оригинален. О «бревенчатых зданиях» писал еще П. Я. Чаадаев («Весь мир перестраивался заново, у нас же ничего не создавалось: мы по-прежнему ютились в своих лачугах из бревнышек и соломы»). Другие нападки на Россию Троцкого повторяли высказывания провинциальной дворянской молодежи, которые высмеял М. Е. Салтыков-Щедрин в рассказах «Помпадур и помпадурши» («Мы еще не достигли гражданской зрелости... Наши дела очень и очень плохи...») Дворянская молодежь осуждала тех представителей своего класса, которые норовили позорить «своего соседа» и принуждать «для потехи свихивать на сторону рыло»... Они сокрушались: «Везде была феодальная система – у нас ее не было; везде были *preux chevaliers* (благородные рыцари) – у нас их не было; везде были крестовые походы – у нас их не было; везде были какие-нибудь хартии – у нас никаких не было».

Выдавая за свои изобретения суждения, известные всем читающим людям в России, Троцкий исходил из того, что наша страна обречена на отсталость. В своей книге об истории революции 1917 года Л.Д. Троцкий писал: «Население этой гигантской и суровой равнины, открытой восточным ветрам и азиатским миграциям, было приговорено к длительной отсталости... Основной и наиболее неизменной чертой русской истории являются медленный темп ее развития, экономическая отсталость, примитивность общественных форм и связанный с этим низкий уровень культуры». Он уверял, что «русская культура является лишь имитацией лучших образцов мировой культуры».

Хотя Парвус не занимался сочинением русофобских пасквилей, он вскоре на практике доказал свою враждебность к России, предложив после начала Первой мировой войны свои услуги кайзеру в создании прогерманских национал-сепаратистских организаций на Украине. К тому времени возможности у Парвуса для оказания помощи кайзеру существенно возросли, поскольку бывший германский социал-демократ выиграл гораздо больше Троцкого от спровоцированной им финансовой паники. В ноябре 1910 г. Парвус переехал в Константинополь, где превратился в крупнейшего поставщика вооружений и продовольствия для армии Османской империи. Его дальнейшему обогащению способствовали две Балканские войны 1912–1913 гг. Военным корреспондентом на этих войнах был его друг Троцкий, который в это время жил в Вене.

Поразительным образом обстоятельства превращения члена СДПГ в мультимиллионера и соратника кайзера оказались вне внимания многих историков, писавших о революциях начала XX века. Не слишком много было написано и о многолетнем сотрудничестве Троцкого с этим олигархом. Зато мимолетная встреча Парвуса с Лениным в Цюрихе в 1915 г. стала дотошным образом разобрана в книге Александра Солженицына «Ленин в Цюрихе». (Крат-

кость встречи объяснялась тем, что вождь большевиков наотрез отказался общаться с Парвусом.)

Мнимые «загадки Кобы» и подлинная роль Сталина в революции

Умалчивая о международных финансовых махинациях, к которым были причастны Троцкий и Парвус, не уделяя внимания связям эсеров с полицией при совершении терактов, антисоветчики в своих стараниях дискредитировать большевиков и их руководителей пытались обвинить их в тайном сотрудничестве с охранкой и совершении уголовных преступлений в корыстных целях. В главе «Загадки Кобы», включенной в его биографию Сталина, Эдвард Радзинский попытался доказать, будто деятельность героя его произведения во время первой российской революции свелась в основном к террористическим актам.

Профессиональный драматург Радзинский прибег к ярким краскам при описании налета на экипаж с деньгами 26 июня 1907 года на Эриванской площади в Тифлисе: «Банда в полсотни человек», преградившая путь экипажу с деньгами, «грохот и дым», «убитые казаки, полицейские и солдаты, в клочья разорванные бомбами», «стонущие, изуродованные прохожие, валявшиеся среди разнесенных в щепки экипажей», «злоумышленники», которые «среди дыма и удушливых газов схватили мешок с деньгами».

Объясняя цель этого нападения, Радзинский писал: «Удобная жизнь эмигрантов за границей и деятельность подпольных революционеров в России – все это требовало очень и очень больших денег». Радзинский уверял, что Ленину для его «удобной жизни» в эмиграции требовались деньги, а поэтому ему «пришло в голову использовать в «бомбовой работе» преданного грузина», то есть Сталина, который в это время был известен в партии по кличке «Коба».

Как утверждал Радзинский, для исполнения плана Ленина, видимо, задуманного им для того, чтобы расплатиться по счетам лондонских и берлинских гостиниц, И.В. Сталин привлек большевика С.А. Тер-Петросяна (его партийная кличка была Камо). Радзинский писал: «Нападение на Эриванской площади... великолепный спектакль от начала до конца сочинил Коба и точно, по заданным нотам, исполнил Камо. Это был первый спектакль, поставленный Кобой, который прогремел на всю Европу». Драматург утверждал, что во время этого налета Сталин был среди нападавших и повредил себе руку. Отстаивая свою выдумку, Радзинский оспаривал широко известный факт: Сталин повредил руку еще в детстве.

Версию Радзинского подхватили и развили другие авторы. Так, автор книги «Иосиф Сталин» А.Н. Гордиенко утверждал, что с начала 1906 года «Коба активно взялся за организацию экспроприаций и вскоре стал фактическим руководителем большевистских боевиков в Закавказье», и «именно благодаря «эксам» Сталин впервые смог приблизиться к Владимиру Ульянову».

Что же было на самом деле, если рассеять дым и позволить стихнуть грохоту, созданному усилиями Радзинского? Многое, о чем Радзинский повествовал тоном первооткрывателя, было давно и широко известно в нашей стране. События 26 июня 1907 г. на Эриванской площади в Тифлисе в советское время были многократно описаны в исследовательской и художественной литературе; они были даже экранизированы. Хотя большевики категорически выступали против терактов, совершавшихся эсерами и другими, они, после того, как правительство стало прибегать к оружию для подавления революции, стали создавать боевые дружины и вооружать их. Для того, чтобы достать оружие, члены боевых дружин совершали нападения на военные склады. Порой они совершали нападения на экипажи с деньгами. Захваченные деньги, которые воспринимались как боевые трофеи революции, использовались для закупки оружия. Такие акции (их называли «экспроприациями», или сокращенно «эксами») особенно участились по мере того, как правительство стало прибегать к карательным экспедициям против Советов и расстрелам их сторонников.

Как написано в 6-м томе «Советской исторической энциклопедии», выпущенном в 1965 г., Камо «в марте 1906 выехал в Петербург, где впервые встретился с В.И. Лениным. По поручению Ленина выезжал за границу для закупки и тайной транспортировки оружия в Россию. Чтобы обеспечить партию денежными средствами, в 1905-06 гг. организовал ряд экспроприаций денег у царского правительства, в том числе в 1907 экспроприацию на Эриванской площади в Тифлисе 250 тыс. руб., принадлежавшей казначейству. Деньги были отвезены в Петербург и переданы в распоряжении партии». Одновременно Камо «в 1905-07 неоднократно доставлял из Петербурга в Тифлис оружие и боеприпасы». После того, как стало очевидно, что революция потерпела поражение, руководство большевистской партии во главе с Лениным приняло решение отказаться от «эксов».

Совершенно очевидно, что в советское время участие большевиков в «эксах» считалось делом достойным и героическим, а поэтому никто не пытался скрыть участия в подобных акциях. Особо много внимания было уделено руководителю и участнику этих акций – С.А. Тер-Петросяну (Камо). Его деяния получили широкую огласку в советское время. О нем было написано немало книг и создано несколько кинофильмов. В 1931 г. написал очерк о Камо и Максим Горький, которому тот рассказывал в 1920 г. об обстоятельствах некоторых своих «эксах», о том, как он имитировал сумасшествие в берлинской тюрьме, чтобы избежать выдачи российской полиции, разыскивавшей его после налета на Эриванской площади. Нигде ни в фильмах, ни в очерке Горького, ни в других книгах ни разу не упоминалось имя Сталина как соучастника Камо или организатора его акций.

После налета на Эриванской площади и других «эксов» российская полиция установила всех причастных к этому акту. Многие участники нападения 26 июня 1907 г. были вскоре арестованы. Аресты проходили как в России, так и за ее пределами. Этому помогло то обстоятельство, что номера 500-рублевых похищенных ассигнаций были помечены. Если большевики пытались обменять эти ассигнации за рубежом, то за ними устанавливалась слежка местной полиции, действовавшей в согласии с полицией России. Поэтому значительная часть участников нападения и их помощников были арестованы. При попытке сбыть эти ассигнации во Франции были арестованы будущий нарком иностранных дел СССР М. Литвинов, Ф. Ямпольская, Я. Мастерс, С. Равич (будущая жена Г. Зиновьева) и другие. Сам Камо был арестован в Берлине в ноябре 1907 г. В то же время после ареста в марте 1908 г. Сталину не было предъявлено обвинений в участии в событиях на Эриванской площади, хотя нет сомнений в том, что полиция старательно искала всех виновных в этом нападении. Не предъявлялось ему подобных обвинений и при последующих арестах.

Поэтому особенно абсурдным выглядело утверждение А.Н. Гордиенко, который уверял, будто из денег, похищенных отрядом Камо (при этом Гордиенко увеличил их сумму до 300 тысяч рублей), 15 тысяч рублей присвоили себе Сталин и Шаумян. Гордиенко писал: «Потребности росли, и тех 15 тысяч рублей, которые достались Бакинскому комитету РСДРП после раздела награбленного в Тифлисе, катастрофически не хватало, тем более что и Сталин, и Шаумян использовали партийную кассу в личных целях». Если даже во Франции и других странах Западной Европы сумели быстро обнаружить людей, пытавшихся реализовать похищенные деньги, то каким же образом оставались не пойманными двое людей, долго сбывавших эти меченые деньги в России сравнительно близко от места их похищения?

Как утверждал Гордиенко, «Коба... около года спокойно жил в Баку, где продолжал ругаться с Шаумяном и добывать деньги на газету «Бакинский пролетарий», нелегально выходящую на русском языке». В отличие же от Гордиенко Радзинский проявил больше фантазии. По его словам, Сталин «вместе со своими боевиками... накладывал «денежные контрибуции на нефтяных магнатов», угрожал поджогом промыслов. Иногда и поджигал, и тогда багровое зарево и клубы дыма неделями стояли над промыслами. Устраивались и забастовки, кстати, выгодные владельцам промыслов – они повышали цены на нефть, за что платили тоже...».

Вопреки фантастической версии Радзинского, Сталин, который в то время вел активную работу в рабочем движении Баку, не только не организовывал нефтяные пожары, но использовал профсоюзную печать для того, чтобы энергично осуждать стихийное бунтарство на нефтепромыслах. В статье «Экономический террор и рабочее движение», опубликованной 30 марта 1908 г. в профсоюзной газете «Гудок», Сталин говорил о бунте рабочих против орудий и средств производства как об архаическом и давно пройденном во времена луддитов этапе рабочего движения. Говоря о поджоге кочегарки в Балаханах и убийстве заведующего на почве трудового конфликта в Сураханах, Сталин решительно заявлял: «Нет, товарищи! Нам не пристало пугать буржуазию отдельными набегами из-за угла – предоставим заниматься такими «делами» известным налетчикам. Мы должны открыто выступать против буржуазии, мы должны все время, до окончательной победы, держать ее под страхом! А для этого требуется не экономический террор, а крепкая массовая организация, могущая повести рабочих на борьбу».

Не удовольствовавшись обвинениями Сталина в совершении уголовно наказуемых преступлений, антисоветчики обвиняли его в сотрудничестве с царской полицией. Вскоре после завершения XX съезда КПСС 23 апреля 1956 г. на страницах журнала «Лайф» бывший видный работник ОГПУ-НКВД Александр Орлов (Лев Фельдбин), давно эмигрировавший на Запад, заявил, что его коллега по НКВД Штейн якобы еще в 1937 г. обнаружил в архиве царской полиции папку с агентурными донесениями Иосифа Джугашвили заместителю директора Департамента полиции Виссарионову. Ссылаясь на рассказ тех, кто якобы знакомился с содержанием этой папки, А. Орлов утверждал, что Сталин был агентом полиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.